

Религиоведение. 2023. № 2. С. 5–14.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 2. P. 5–14.

DOI: 10.22250/20728662_2023_2_5

Емельянов В.В.

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 9/11
banshur69@gmail.com

Упоминание праздников в шумерских литературных текстах

Аннотация. Статья посвящена упоминанию и изображению праздников в литературных текстах на шумерском языке. Важнейшим маркером упоминания является само слово *ezen* («праздник»). Установлены четыре случая упоминания праздников, при этом в статье речь идёт только о случаях, непосредственно связанных с проведением праздника. Праздники классифицированы по эпохам, городам и сезонам. Определено, что в литературных текстах описываются либо земледельческие праздники, связанные с культивацией ячменя, либо праздники культа мёртвых. Особенности новогодних праздников являются суд над людьми и отстранение от должностей провинившихся чиновников. Основными формальными признаками праздников являются жертвоприношения, шествия адептов бога, путешествия статуй бога на лодке, трапеза с распитием пива и вина, спортивные соревнования, облачение в торжественные одеяния, исполнение музыкальных произведений. В текстах преобладает упоминание праздников весны и лета. По нашему мнению, контекст эпоса о Нинурте и Асаге свидетельствует о том, что выражения «потрясение оружием, праздник юношей» и «игрища Инанны» – иносказательные названия военных действий, а не конкретные праздники ниппурского культового круга.

Ключевые слова: Шумер, календарь, праздники, литературные тексты, «игрища Инанны»

Vladimir V. Emelianov

St. Petersburg State University
9/11 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russia
banshur69@gmail.com

Mentioning of Festivals in Sumerian Literary Texts

Abstract. The article explores the mentioning and depiction of festivals in literary texts in the Sumerian language. The most important marker of mentioning is the very word *ezen* – “festival”, “holiday”. Four cases of mentioning festivals have been identified, while the article deals only with cases directly related to the celebration of the festival. Festivals are classified by eras, cities, and seasons. It is determined that the literary texts describe either agricultural festivals associated with the cultivation of barley, or the festivals of the cult of the dead. The peculiarities of the New Year holidays are the trial of people and the removal from office of guilty officials. The main formal features of the festivals are sacrifices, processions of the god's adepts, trips of the god's statues on a boat, a meal with drinking beer and wine, sports competitions, dressing in solemn attire, and the performance of musical works. The texts are dominated by the festivals of spring and summer. In our opinion, the context of the epic about Ninurta and Asag indicates that the expressions “shaking weapons, the holiday of youths” and “Inanna's games” are allegorical names for military actions, not for specific festivals of the Nippur cult circle.

Key words: Sumer, cultic calendar, festivals, literary texts, “Inanna's games”

В ассириологии изучению праздников до сих пор отводилось весьма скромное место. Они упоминались либо в связи с изучением календарных месяцев, либо в контексте хозяйственно-политической жизни городов [Hruška, 1990, 105–114; Cohen, 1993; Sallaberger, 1993; Емельянов, 1999; Емельянов, 2009; Емельянов, 2015; Cohen, 2015]. Монографических исследований удостоился только один вавилонский праздник – Акиту [Pongratz-Leisten, 1994; Bidmead, 2002]. Это неудивительно, поскольку современные специалисты лишены возможности наблюдать празднества

давно исчезнувшего народа. Однако есть косвенные данные, которые позволяют нам уточнить список и структуру праздников. Ценным источником для изучения праздников древней Месопотамии являются шумерские литературные тексты. Праздники упоминаются в них в четырёх случаях: а) участие бога или царя в храмовом празднике; б) проведение конкретного городского праздника; в) отсутствие праздников во время катастроф; г) сравнение бытового поведения человека с праздничным. В данной статье мы рассмотрим два первых случая. Важнейшим маркером рассказа о празднике является существительное *ezen* («праздник»)¹. Упоминание праздника может быть кратким, когда нет указания на конкретный праздник или есть только его название, и полным, когда дано описание праздника. Упоминания праздников встречаются в литературных текстах всех жанров – то есть в гимнах, плачах, поучениях, прениях и пословицах.

Если расположить известные нам источники по хронологии², то первым упоминанием праздника станет строчка из «Поучений Шуруппака» – дидактического текста, известного ещё в старошумерских копиях из Абу-Салябиха (XXV в.). Там сказано: «Не следует выбирать жену во время праздника (*ezen-ma-ka dam na-an-tuku-tuku-e*). Её сердце чужое; её внешность чужая. Серебро на ней взято взаймы; лазурит на ней взят взаймы, платье на ней взято взаймы, льняная одежда на ней взята взаймы» [The instructions, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.5.6.1,208–211>]. Во время праздника женщина не отличается естественным поведением, она может носить чужую одежду и украшения, и потому не следует судить о ней по её внешнему виду и настроению во время праздничного действия.

В гимнах, записанных на двух глиняных цилиндрах Гудеа (XXII в.) в городе Лагаше, празднества упоминаются несколько раз, причём один раз слово *ezen* не употребляется: «Тираш, подобный Абзу, / Своевластно я основал, / Внутри него каждое новолуние / Мой праздник Ана (*ezen-an-na*) великие МЕ щедро совершенствует» [The building, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.1.7,A X 15–18>]; «7 камней, вокруг сада установленных, – / Вещи, с царём своим совещающиеся. / Его поминальная часовня / Так чиста, словно в Абзу очищена. / Каменные бассейны, в доме стоящие, – / Светлый дом умастителей, где вода не иссыкает. / Его верхние стены – / Голуби гнездящиеся, / Эреду, судьбы... / Голубям Энинну отдых даёт – / Сень больших ветвей, сладостную тень. / Ласточки там щебечут / Как на Великом Празднике (*ezen ġal*.) в Экуре Энлиля» [Там же, XXIX 1–13]; «Год прошёл, месяц закончился, / Новый год (*mu gibil*) в Небе установлен, / Месяц в дом свой вошёл, / Третий день его прошёл – / Нингирсу из Эреду воротился, / Сияние месяца вышло, / Страну залило светом, / Энинну с родившимся месяцем / Сравнялся [Там же, В III 5–12]. Можно сказать, что в двух из трёх перечисленных случаев речь идёт о реальных праздниках, в третьей цитате наблюдается их сравнение. Праздник Ана в храме Тираш – ежемесячное действие, справляемое при каждом новолунии. Под МЕ имеются в виду жертвы лунному богу Нанне. Новый год – городской праздник Лагаша, третий день которого знаменуется возвращением Нингирсу из Эреду, где этот городской бог получает МЕ из рук самого бога мудрости Энки. Насколько мы можем понять третий контекст, под сенью сада и поминальной часовни храма Энинну отдыхают птицы, и ласточки щебечут так же радостно, как говорит народ во время праздника Энлиля в Экуре. Вряд ли сам этот праздник как-то связан с щебетанием ласточек.

В тексте цилиндра В также упомянуто особое поведение людей во время освящения храма, продолжавшееся неделю. Оно не отмечено как отдельный праздник и существует только в контексте самого храмового ритуала: «Когда к царю своему в дом он вошёл – / Семь дней / Рабыня госпоже своей равна была, / Раб с хозяином своим прохаживался, / В его городе нечистый на окраину спать отправлялся, / Злому языку слова он изменил, / Вражду в дом её вернул он, / Истине Нанше и Нингирсу / Оказал почтение: / Неимущего имущему не выдавал, / Сироту власть имеющему не выдавал, / В доме, где нет живых сыновей, / Дочь барана в жертву приносила. / Дни справедливости для него вышли, / На шею вражды и стенания стопу возложил он, / Подобно Уту, / Над горизонтом взошёл он, / На голове своей круглый убор водрузил он, / Перед светлым Аном / Самого себя познал он» [Там же, В XVII 18–XVIII 16].

Здесь Гудеа сравнивается с солнечным богом Уту – покровителем справедливости. На целых семь дней он устраняет неравенство между людьми и побеждает зло.

Все остальные литературные тексты с упоминанием праздников были составлены в конце III или в начале II тыс., но известны нам исключительно по копиям Старовавилонского времени из Ниппура, Ура, Исина и Ларсы (XX–XVII вв.). Мы расположим их по упомянутым в них городам и праздникам.

По-видимому, единственным известным нам праздником города Нигина, расположенного недалеко от Лагаша на канале И-Нигин-гена, отведённом от Тигра, является праздник в честь богини Нанше. Некоторые его черты сохранились в гимне этой богине, имя которой писалось со знаком «рыба». Нанше покровительствовала обездоленным и считалась толковательницей снов: «В Новый год, в день обрядов (za₃-mu u₄-biluda-ka), / Госпожа в священный сосуд (?) воду возливает, / В день надзора за рационами бур / Нанше за рабами назначенными надзирает. / Нисаба, писец Нанше, / Драгоценные таблички на коленях держит, / Золотое стило в руке сжимает. / Для Нанше рабов она вместе собирает. / Без кожи своей одетый в кожаное к ней войдёт, / Без льна своего одетый в льняное перед ней пройдёт. / Без кожи своей одетый в кожаное к ней войдёт, / Без льна своего одетый в льняное перед ней пройдёт. / Тот, кто учтён..., / О ком наблюдатели и свидетели / Под клятвой скажут, что он дом свой покинул, / В начале срока будет смещён со своего места. / Царь, к рабам праведным почтительный, Хайа, регистратор, / Названного праведным рабом госпожи своей на табличку / заносит, / Неназванную праведной рабыней госпожи своей с глины стирает. / Если в сосудах нет воды, дороги не в порядке, / Желобки для стока воды (?) не вычищены, / В домах всю ночь огонь горит, / В домах весь день заговоры произносятся, – / Жрец *шита-эша* по окончании срока / С поста снимается» [A hymn, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.4.14.1>, 94–118]. Новогодний праздник Нанше в Нигине связан с отделением праведных от неправедных и с надзором за чиновниками³. Люди входят на суд Нанше без одяния, что, разумеется, означает метафору: она видит насквозь, и все люди перед ней словно голые. Помощником богини выступает регистратор, имя которого На-ia₃ означает на семитских языках «жизнь». Нанше стирает с глины того, кто признан неправедным, и тем самым лишает его судьбы на предстоящий год.

Из литературных текстов священного города шумеров Ниппура до нас дошли упоминания нескольких праздников. Прежде всего, это праздник Экура – храма главного ниппурского бога Энлиля. Он справлялся на седьмой и пятнадцатый дни каждого месяца. Тексты об этом празднике дошли с большим количеством лакун. Так, в гимне царя I династии Исина Ишме-Дагана говорится, что, когда бог Неба Ан привёл с собой богиню пива Нинкаси, то царь возлил над кирпичном Экура вкусное пиво, смешанное с ароматной кедровой эссенцией. Далее Ишме-Даган говорит: «Ежедневно я делал Э-кур подобным урожаю, (и) каждый месяц в его седьмой и пятнадцатый день я вводил храм в праздник (iti e₂ ud 7 e₂ ud 15-bi ezen-a he₂-ni-kur₉). Как внутри, так и снаружи храма, как, я распространяю аромат вещи сильной и великой» [A praise poem, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.5.4.01>, 160–167].

Свидетельства о новогоднем празднестве жены Энлиля богини Нинлиль в храме Туммаль дошли до нас из двух текстов разных жанров – гимна храму и гимна обожествлённому царю. В гимне храму Туммаль, составленному дочерью царя Саргона Аккадского, жрицей бога Луны Энхедуаной, говорится, что праздник справляется в месяц Нового года (iti zag-mu ezen gal-la-za) [The temple hymns, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.4.80.1>, 43]. А в гимне царю III династии Ура Шульги, получающему статус бога, праздник в честь Нинлиль описан подробно, хотя текст и изобилует лакунами. Он назван священным праздником великих ритуалов (ezen kug bi₃-lu₅-da gal-gal). Сперва великие боги купаются в святой воде Ниппура. Затем Энлиль распределяет судьбы по местам в городе и выделяет нужные МЕ (т.е. жертвы). Мать Страны, прекрасная Нинлиль, выходит из дома, и Энлиль обнимает её, как чистую дикую корову. Они занимают свои места на священном престоле, им щедро готовят провизию. В это время высокая барка, украшение Тигра, входит в бурлящую реку. На носу барки стоят ритуально омытая пятиглавая булава, булава-митум, копьё и штандарт. Воин Энлиля Нинурта идёт впереди процессии, держа в

руке священный шест барки. Видны также перевозчики, которые поют на плотках священные песни. Нинлиль встаёт на некое возвышение, напоминающее престол. Барка качается у причала Метеагия; она уплывает в тростниковые заросли храма Туммаль. Как бодучий бык, барка то поднимает, то опускает голову. Она ударяется грудью о вздымающиеся волны; она возмущает окружающие воды. Когда барка входит в воду, её пугаются рыбы подземных вод; когда она скользит по водам, то заставляет воды сверкать. Госпожу Туммалю приветствуют предки Энлиля и небесный бог Ан, определяющий судьбы. Вместе с Нинлиль они занимают свои места на пиру, и пастырь Шульги приносит им свои большие подношения. Они проводят «день в изобилии, а ночь в восхвалении», что, по-видимому, означает обильную трапезу, за которой следовала молитва ночным небесным богам. Они провозглашают благую судьбу, которая будет навеки суждена для царя, оснатившего священную барку. Свет сияет на краю Земли, когда лучезарно восходит солнечный бог Уту. Затем в гимне описан нерест карпов, брюхам которых, полным икры, радуется Энлиль. Нерест карпов означает, что в город пришла весна. В радостном Ниппуре Шульги швартует священную барку у причала [Sulgi and Ninlil's barge, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.4.2.18>].

Третий известный нам праздник Ниппура – это праздник плуга. Его упоминание дошло из диалога Мотыги и Плуга, из той его части, где Плуг, спорящий с Мотыгой о превосходстве, обращается к сопернице с такими словами: «Я – Плуг, вылепленный великой силой, собранный великими руками, / могучий учётчик отца Энлиля. / Я – верный земледелец человечества. / Справляя мой праздник в полях в месяц сева (ezen-gu₁₀ iti šu-numun-a a-šag₄-ga ak-da-bi), / царь быков и овец в жертву приносит, / пиво наливает в чашу. / Царь обряд возлияния совершает. / Звучат барабаны *уб* и *ала*. Царь берёт меня за рукоять и запрыгает волов моих в ярмо. / Все великие престолы идут рядом со мной. / Все земли взирают на меня с восторгом. Люди смотрят на меня с восхищением» [The debate, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.5.3.1>, 20–33]. Речь здесь идёт о раннем севе ячменя, приходившемся на четвёртый месяц Ниппурского календаря (июнь-июль), который назывался «сев»⁴. Во время этого символического обряда умирал Думузи – бог плодородия и ячменного зерна, и его три дня должны были оплакивать женщины. Обряд сева считался царским, сам царь Шумера вёл воловью упряжку, держа плуг за священную тамарисковую рукоять. Пахота предварялась священными возлияниями и жертвами, а затем проводилась под аккомпанемент ударных инструментов – барабанов и тамбуринов.

Наряду с праздником плуга тексты упоминают ezen-gu₄-si-su/sa₂ «праздник направления волов на пахоту». Достоверно известно, что время этого праздника приходится на 20–22 дни второго Ниппурского месяца (апрель-май), аналогично названного iti-gu₄-si-sa₂, «месяца направления волов на пахоту»⁵. Так, в гимне «Липит-Иштар и Плуг» сказано: «Нинурта голову поднял, у лазуритового Экура встал, / к отцу своему, Энлилю – Великой Горе – обратился: / “Отец мой! ME месяца *gusucu* я совершенно исполнил: семя земли коснулось» [Landsberger, 1949, 278; Sallaberger, 1993, 121; Cohen, 2015, 125]. В гимне «Ишме-Даган и колесница Энлиля» говорится: «... пусть мотыга и плуг, орудия полевых работников, соперничают друг с другом перед тобой. Царь внял наставлениям Энлиля: Нинурта приготовил священный плуг, вспахал плодородные поля и, чтобы увидеть, как силосы и амбары Энлиля будут нагромождены, он засеял их хорошими семенами» [Išme-Dagan and Enlil's chariot, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=t.2.5.4.09>, 82–87]. Весьма возможно также, что данный праздник упомянут в «Песни пашущего быка»: «Идите, волы, идите, подставьте свои шеи под ярмо! Протопчите борозды плодородного поля, идите по сторонам прямо!» [The song, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.5.5.5>, 143–145]. Таким образом, следует различать два прения Мотыги и Плуга по календарным датам: первое из них приходится на лето, а второе на весну.

Известен также и ниппурский праздник урожая. В финале текста о браке Энлиля с богиней Суд Энлиль произносит такое благопожелание: «Пусть моя прекрасная жена, рождённая светлой Нисабой, будет Эзиной, растущим зерном, жизнью Шумера. Когда ты появляешься в бороздах, как красивая молодая девушка, пусть Ишкур, смотритель каналов, будет твоим кормильцем, напоит тебя подземной во-

дою. Новый год отмечен твоим новым лучшим льном и твоим новым лучшим зерном <...> Урожай, великий праздник (buru₁₄ ezen gal) Энлиля, высоко голову поднимает» [Enlil and Sud, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.1.2.2>, 157–161, 164]. Второй раз ниппурский праздник урожая описан в гимне богине ячменного зерна и грамоты Нисабе: «Добрая женщина, главный писец Ана, учётик Энлиля, многознающая, мудрейшая из богов! Чтобы в бороздах росли ячмень и лён, чтобы можно было любоваться превосходным хлебом; чтобы обеспечить семь великих престолов, заставляя расти лен и ячмень, во время урожая, великого праздника (buru₁₄ ezen gal/mah) Энлиля, в своей великой княжеской власти она очистила своё тело, возложила светлое священническое одеяние на своё туловище. Чтобы устроить хлебные приношения там, где их не было, совершить большие пивные возлияния, чтобы умиловать бога власти Энлиля, умиловать милосердных Кусу и Эзину⁶, она назначит великого эна, праздник она назначит, великого эна Страны она назначит» [A hymn, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.4.16.1>, 12–26]. Вероятно, здесь описано омовение и облачение статуй богини Нисабы, предшествовавшее обряду назначения нового верховного жреца в храме Ниппура. Ещё два упоминания праздника урожая мы встречаем в тексте спора Лета с Зимой: «Ячмень на нивах он (Эмеш – В.Е.) изобильным сделал, / Ашнан, подобно красивой девушке, сиять заставил. / Урожай – великий праздник (buru₁₄ ezen gal) Энлиля – голову к небу поднял» [The debate, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.5.3.3>, 60]; «В день празднества Экура (ud-bi-a E₂-kur ezen-ma) и изобилия Шумера / Они вдвоём колени вытянули и в ярости друг на друга встали. / Эмеш с Энтеном, словно большие быки, стали рвать друг друга рогами» [Там же, 284–286]⁷.

В пятом месяце Ниппурского календаря проводился «праздник духов», связанный со спортивными играми в честь Бильгамеса/Гильгамеша и с поминанием мёртвых на девятый день месяца. Об этом празднике дошло несколько литературных свидетельств. В тексте «Смерть Бильгамеса» в ответ на сетования героя по поводу предстоящего конца ему сулят праздник и спортивные соревнования: «Сисиг, сын Уту, / В Подземном мире, месте мрака, свет ему установит, / Человечество, все, кто именем назван, / Статую его на вечные времена создадут, / Юноши-молодцы дар – дверной косяк, подобный месяцу, – установят, / Перед ней в борьбе и атлетике будут соревноваться. / В месяц Ненегар, праздник духов (ezen gidim), / Без него перед ней (вар.: перед ними) свет не установят» [The death, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.1.8.1.3>, Segm. E, 4–11]. В финальной части другой песни о Гильгамеше говорится о возлипании отцам и матерям чистой воды на девятый день пятого месяца: «В Унуг они вернулись, / В город свой они вернулись. / Оружие своё, топор, копьё <...>, / Во дворце своём радостно он положил. / Юноши и девицы Унуга, все старухи Кулаба / На статуи свои смотрели, радовались. / Как Уту вышел из своей спальни, голову он поднял, / Так сказал: / “Батюшка мой и матушка моя! Чистую воду пейте!” / Полдень прошёл, короны его коснулся. / Бильгамес поминальный обряд исполнял, / На девятый день поминальный обряд исполнял (u₄-9-kam ki-hul-a ba-an-šub), / Юноши и девицы Унуга, все старухи Кулаба плач завели, / Как это было положено. / Юношей Гирсу толкнул он: / “Батюшка мой и матушка моя! Воду чистую пейте!”» [Gilgameš, Enkidu and the nether world, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.1.8.1.4>, 1–16]. Из этих финальных строк понятно, что на девятый день после поминальных игр⁸ проводился обряд поминовения предков непосредственно у их памятников, сопровождавшийся плачами. В третий раз праздник упомянут в эпическом тексте о битве Нинурты со злодеем Асагом. Во время суда над камнями, пошедшими за проигравшим битву злодеем и запершими воду в горах, Нинурта обращается к камню *баль*, определяя судьбу его жёлтой сурьме: «Юноша, что славу тебе добыл, как первый, к тебе приблизится, / Молодой ремесленник хвалу тебе воздаст, / [Для Праздника] Духов ([ezen] gidim) да будешь ты прекрасен, / На 9-й день юноши при свете месяца <...> тебе сделают, / Для обрядов Нинхурсаг тебя... приспособят!» [Ninurta's exploit, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.1.6.2>, 640–644]. Это благоприятная судьба: камень будет необходим как соревнующимся юношам, так и ремесленникам, которые должны будут сделать для праздников предметы, знаки которых на табличке не сохранились.

Среди ниппурских праздников, упомянутых в литературных текстах, есть один довольно странный, нигде больше не встречающийся. Его называет цитированный выше текст о Нинурте и Асаге. После первого неудачного похода в горы оружие Нинурты по имени Шарур, бывшее его наперсником, говорит своему господину: «Владыка! На такую великую битву больше не ходи, / На потрясение оружием, праздник юношей (^{gi}tukul sag₃-ge ezen nam-ġuruš-a), / На игрище Инанны руки не подымай, / На великую битву не ходи! Не торопясь, на землю ступай!» [Там же, 135–138]. Для понимания этих строк важен контекст. Нинурта отправляется на битву с Асагом, не испросив предварительно благословения своих родителей. Он устраивает в горах одновременно пожар, потоп, землетрясение и извержение вулкана, и жертвами его несдержанности становится множество людей: «Герой Нинурта прошёл по мятежным землям. / Беглецов в горах убивал, города сокрушал он, / Пастухов как порхающих бабочек по черепам бил он, / Как плевелы, их собирал он, / Головы их разбивал об стены. / Огни гор больше вдали не мерцали, / Из груди их исторгались их души, / Ослабели люди, обвилась руками, / Прокляли Землю, / День рождения Асага днем беды назвали» [Там же, 94–105]. Наряду с людьми, Нинурта ненароком убил 11 героев, не принимавших участия в злодействе Асага⁹. И об этом говорит ему Шарур: «Господин Небесный Змей, своё копье и дубину омой! / Нинурта-герой, имена убитых тобой я назову: / Стрекоза, Дракон, Гипс, / Крепкая медь, герой Шестиглавый дикий баран, / Ладья Магилум, владыка Небесная Вервь, / Бизон, Царь-Пальма, / Имдугуд-птица, Семиглавый Змей – / Нинурта, в горах ты их убил» [Там же, 127–134]. Контекст эпоса позволяет понять, что выражения «потрясение оружием, праздник юношей» и «игрище Инанны» – не названия конкретных праздников Ниппура¹⁰, а иносказательное именование войны как таковой. Инанна считалась богиней любовной и воинской страсти, а юноши города были основной воинской силой в походах шумерских царей. Окончательным подтверждением именно такого понимания двух рассмотренных выражений является фрагмент из вступления к эпосу «Лугальбанда во мраке гор», где «игрище Инанны» – эпитет к слову «битва»: «Когда господство и царственность проявились в Уруке, / когда стрекало и псалий Кулаба возвысились в битве – / в битве, в игрище Инанны (me₃ ešemen ^dInana-ke₄)...» [Lugalbanda in the mountain cave, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.1.8.2.1>, 12–14].

Перейдём теперь к сведениям о праздниках города Урука. Первым из этих праздников был Новый год, посвящённый богу плодородия Думузи. О нём сообщает нам гимн богине Инанне, считавшейся супругой Думузи в священном браке, проходившем в квартале Кулаб: «В Новый год, в праздник Думузи (za₃-tu ezen-^dDumu-zid-da-ke₄), / Супруг твой Амаушумгальана, / Владыка Думузи, пред тобой предстанет! / Инанна... плачи жертвами тебе принесут! / Трубочки Подземного мира для тебя открыты, / Поминальные возлияния ради тебя совершены. / Жрецы эн, жрецы лумах и жрицы ниндингир, / (а также) мёртвые лузид и амалу едят для тебя, чтобы отогнать (духов), / и пьют для тебя воду, чтобы отогнать (призраков). Твой священный престол установлен рядом с ними» [A hymn, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.4.07.4>, 66–76]. Новый год Думузи отмечается плачами по этому божеству, которые сопровождаются поминальными возлияниями всем умершим жрецам и жрицам храма Эана. Причём это жречество ест и пьёт приносимые дары для того, чтобы иметь силу для отведения (šū bar) от живущих людей духов и призраков. Жидкие и сыпучие продукты приносились в специальный придел храма, называемый ki-a-naġ «место напоения водой», где опускались под землю по глиняным трубочкам (a-pap).

Ещё один урукский праздник – Праздник небесной ладьи Инанны. Его упоминание дошло из текста «Инанна и Энки». После того, как Инанна, обманув своего отца Энки, привезла все МЕ в свой город Урук, в честь прибытия её ладьи был устроен праздник. Говорит сама Инанна: «Сегодня я подвела Небесную Лодку / к Вратам Радости Урука в Кулабе. <...> Он будет читать великие молитвы. / Царь зарежет быков, принесёт в жертву овец. / Он нальёт пива из чаши. / Шем и ала закричат. / Сладкозвучные инструменты тиги заиграют. / Чужеземные земли возвестят о моем величии. / Мой народ меня восславит» [Inana and Enki, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.1.3.1>, 225–226, 242–248]. Судя по упоминанию этого

праздника в календарных комментариях, его время могло приходиться как на зимний период, на время около зимнего солнцестояния (декабрь-январь, 10-й месяц Ниппурского календаря), так и на начало весны¹¹.

Священный брак не был отмечен в Уруке знаком *ezen*. Тем не менее, его следует считать особым весенним празднеством, которое определяет собой весь цикл последующих праздников. Единственным подробным описанием обряда является свидетельство гимна царю I династии Исина Идин-Дагану. Судя по тексту гимна, составными частями праздника являются шествие разнополых жрецов и жриц любви перед её статуей, вечернее омовение мужчин и женщин, воскурения благовонных ароматов на крышах домов, возлияния пива, принесение в жертву овец, пирожков с финиковым повидлом и медовой муки. Затем начинается сам обряд священного соития царя и жрицы:

Чтобы судьбы всех стран установить,
 Чтобы днём (?) верных слуг проверить,
 Чтобы в день «чёрной луны» МЕ совершенными сделать,
 В Новый год, в день обрядов,
 Для моей госпожи постелено ложе,
 Трава *нумун* ароматом кедра очищена,
 На ложе моей госпожи разложена,
 Поверх одеяло постелено.

Дабы на ложе под приятным одеялом радость обрести,

Моя госпожа своё светлое лоно омыла,

Для лона царя она его омыла,

Для лона Идин-Дагана она его омыла,

Светлая Инанна вымылась с содой,

Натерлась благоуханным кедровым маслом.

Царь с поднятой головой подошёл к священному лону,

С поднятой головой подошёл он к лону Инанны,

Амашумгальанна на ложе возлёт с ней,

Проявил заботу о священном лоне:

– О, моё священное лоно!

– О, моя светлая Инанна!

После того, как на ложе светлое лоно познано,

Светлое лоно Инанны на ложе познано,

На ложе с ним она отдохнула:

– О Идин-Даган, ты – мой любимый!

[A šir-namursağa to Ninsiana for Iddin-Dagan (Iddin-Dagan A), [https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.5.3.1, 173–194](https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.5.3.1,173-194)].

После соития царь приносит жертвы и совершает возлияния в храме Эгальмах, снова звучит музыка и начинается уличное веселье.

Из текста «Свадьба Марту» нам известен праздник бога Нумушды, проводившийся в маленьком городке Инабе и сопровождавшийся спортивными играми юношей. Аморея, собирающийся жениться, говорит своим друзьям: «Приходите, друзья, пойдём, пойдём туда, посетим пивные Инаба, пойдём туда». В празднике участвовали бог Нумушда, его жена Намрат и их любимая дочь Агар-кидуг. В городе грохотали бронзовые барабаны *шем*, звучали семь барабанов *ала*, а сильные мужчины, опоясанные чемпионы, входили в дом борьбы (*e-ĝešru₂*), чтобы соревноваться друг с другом за Нумушду в храме Инаба [The marriage, [https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.1.7.1, 53–66](https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.1.7.1,53-66)].

Праздники Ура почти не отражены в литературных текстах на шумерском языке. И связано это с тем, что урские цари ориентировались на празднества Ниппура и Урука. Очень интересный фрагмент с упоминанием царского имени дошёл до нас из спора Лета с Зимой (Эмеш и Энтен). Эмеш (Лето), похваляясь своими превосходными качествами, заявляет Энтену: «Когда мой господин, наречённый именем Нанной, сыном Энлиля, / Ибби-Син, одеяния *шутур* и *хурсаг* наденет, / Когда об одеяниях *бардуль* и *ламахуш* он позаботится, / Когда праздник богов (*ezen diĝir-ge-e-ne-ke₄*) будет устроен, – / Ануннаки на свои светлые бока одеяния наденут, /

В Энамтиле, светлом жилище царственности, Аном созданном, / В месте удовольствия банкет, вещь приятную, они устроят, / Когда инструменты *шем, ала, сишир* будут для него играть, / С твоими *тиги, замзам*, веселящими сердце, весь день будет он проводить» [The debate, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.5.3.3,229-237>]. К сожалению, названия праздника в тексте нет. Зато мы знаем, что Ибби-Син надевает одеяния *шутур*¹² и *хурсаг*, а затем велит принести покрывала для престола, на которые водружалась статуя бога Нанны. Боги, приглашённые царём на пир, разделяют с ним трапезу, слушают игру духовых и ударных инструментов.

Подводя итог нашему исследованию, следует сделать определённые выводы относительно типов праздников, времени их празднования и их структуры.

1. Праздники шумерского периода не поддаются обычному для этнографии делению на религиозные и светские, государственные и частные, коллективные и личные. В литературных текстах упомянуты и описаны только государственные религиозные праздники, которые справлялись всем коллективом горожан при обязательном участии царя и с присутствием статуй главных городских божеств.

2. Упомянутые или описанные в шумерских литературных текстах праздники связаны только с особенностями ландшафта и климата южного Ирака. Из них нельзя реконструировать особенности местности, откуда пришли шумеры.

3. Самым частым является праздник смены лунных фаз в ниппурском храме Экур. Остальные праздники проводятся раз в году.

4. В текстах описываются земледельческие праздники, связанные с культивацией ячменя: пахота-сев-урожай.

5. Значительное место занимают праздники, связанные с культом мёртвых.

6. Особенности новогодних праздников являются суд над людьми и отстранение от должностей провинившихся чиновников.

7. Основными формальными признаками праздников являются жертвоприношения, шествия адептов бога, путешествия статуй бога на лодке, трапеза с распитием пива и вина, спортивные соревнования, облачение в торжественные одеяния, исполнение музыкальных произведений.

8. Вопреки трудовой теории происхождения календаря и праздников, в шумерских литературных текстах не воспевается человеческий труд, не устраиваются шествия с колосьями. Основным объектом праздника является само чудо прорастания и появления плодов. Этому же чуду посвящён и праздник, предшествующий обряду священного брака.

9. Преобладают праздники весны (урожай, Новый год, встреча барки Энлиля) и лета (праздник плуга, праздник духов). Есть пример возможного зимнего праздника (ладья Инанны) и весенне-осеннего повторяющегося праздника (праздник храма Туммаль).

10. По нашему мнению, контекст эпоса о Нинурте и Асаге свидетельствует о том, что выражения «потрясение оружием, праздник юношей» и «игрища Инанны» – иносказательные названия военных действий, а не конкретные праздники ниппурского культового круга.

Благодарность

Работа выполнена по гранту РФФИ N 19-18-00085 «Календарные праздники древнего Востока: календарный ритуал и роль темпоральных представлений в формировании традиционного сознания народов древнего мира».

Acknowledgement

The work was supported by the RSF grant N 19-18-00085 “Calendar festivals of the Ancient East: calendar ritual and the role of temporal representations in the formation of the traditional consciousness of the peoples of the ancient world”.

Библиографический список

1. Афанасьева, В.К. Магия в древневосточных обрядах плодородия / В.К. Афанасьева // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб., 1998. – С. 5–8.

2. Дьяконов, И.М. Люди города Ура / И.М. Дьяконов. – М.: Наука, 1990. – 435 с.
3. Емельянов, В.В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака / В.В. Емельянов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 268 с.
4. Емельянов, В.В. Шумерский календарный ритуал (категория МЕ и весенние праздники) / В.В. Емельянов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. – 432 с.
5. Емельянов, В.В. Шумерский школьный диалог «Спор Лета и Зимы» / В.В. Емельянов // Asiatica: труды по философии и культурам Востока. – 2015. – № 9. – С. 16–46.
6. Емельянов, В.В. Описание календарных праздников в шумеро-аккадских текстах / В.В. Емельянов. // Asiatica. Труды по философии и культурам Востока. – 2018. – № 12/1. – С. 3–26.
7. Емельянов, В.В. Шумерское ezen: идеография и этимология / В.В. Емельянов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIV. Материалы чтений, посвящённых памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. – СПб.: ИЛИ РАН, 2020. – Т. 2. – С. 1157–1166.
8. Bidmead, J. The Akitu Festival: Religious continuity and royal legitimation in Mesopotamia / J. Bidmead. – New Jersey: Gorgias Press, 2002. – 235 p.
9. [BRM IV] Clay, A.T. Epics, Hymns, Omens and Other Texts. Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan, part 4 / A.T. Clay. – New Haven: Yale University Press, 1923. – 112 p.
10. Cohen, M.E. The Cultic Calendars of the Ancient Near East / M.E. Cohen. – Bethesda, MD: CDL Press, 1993. – 504 p.
11. Cohen, M.E. Festivals and Calendars of the Ancient Near East / M.E. Cohen. – Bethesda, CDL Press, 2015. – 467 p.
12. [ETCSL] The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature [Электронный ресурс]. – URL: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk> (дата обращения 16.11.2022).
13. Hruška, B. Das Landwirtschaftliche Jahr im Alten Sumer: Versuch einer Zeitlichen Rekonstruktion / B. Hruška // Bulletin of Sumerian Agriculture. – 1990. – No. 5/2. – P. 105–114.
14. [KAV] Schroeder, O. Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts / O. Schroeder. – Leipzig, 1920. – 124 p.
15. Landsberger, B. Jahreszeiten im Sumerisch-Akkadischen / B. Landsberger // Journal of Near Eastern Studies. – 1949. – Vol. VIII. – No. 3, 4. – P. 248–272, 273–297.
16. Pongratz-Leisten B. Ina Sulmi irub. Die kulttopographische und ideologische Pro-grammatik der akitu-Prozessionen in Babylonien und Assyrien im I. Jahrtausend v. Chr. – Mainz, 1994. – 289 p.
17. Sallaberger W. Der kultische Kalender der Ur III-Zeit. Bd. I / W.Sallaberger. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993. – 314 s.
18. Ungnad, A. Besprechungskunst und Astrologie in Babylonien / A. Ungnad // Archiv fur Orientforschung. – 1944. – No. 14. – P. 252–284.

Текст поступил в редакцию 17.11.2022.

Принят к печати 23.01.2023.

Опубликован 29.06.2023.

¹ Его этимология и древнейшие контексты рассмотрены нами в [Емельянов, 2020]. В электронном корпусе шумерских литературных текстов [ETCSL] насчитывается 74 случая упоминания праздников. Способы обозначения праздников в клинописных текстах см. в [Емельянов, 2018].

² Здесь и далее следуют переводы с шумерского языка, сделанные автором статьи по транслитерациям текстов в базе данных [ETCSL]. В скобках приводится оригинальная шумерская терминология праздников. Ссылки на печатные издания указываются в случаях, когда текста нет в электронной базе.

³ В позднеавилонском астрологическом тексте BRM IV 9 сказано: «Удаление человека с доверенного ему поста и назначение (другого) человека перед человеком (в смысле «над человеком». – В. Е.) – территория Овна» [BRM IV 19, 50; Ungnad, 1944; Емельянов, 1999, 196]. Значит, можно предположить, что снятие старых чиновников и назначение новых происходит весной.

⁴ Согласно Астролябии Б, IV месяц календаря это «месяц насыпания семени, проращивания раннего семени; месяц крика Нинруругу; месяц, (когда) пастыря Думузи схватили» [KAV 218, I, 41–44].

⁵ Согласно Астролябии Б, название второго месяца и его праздника объясняется как «отвержение земли, (когда) волны направляются, влажная земля открывается, плуги омываются; месяц Нингирсу, героя, энсигалья Элллиля» [KAV 218, I, 14–18].

⁶ Кусу и Эзина – богини злаков.

⁷ Возможно, что именно праздник урожая справляет бог Нинурта, когда Шарур передаёт ему весть об Асаге, собравшем враждебное каменное войско в восточных горах. В тексте эпоса праздник (ezen) не имеет названия (стрк. 18).

⁸ Аналогично в Астролябии Б: «месяц Гильгамеша, (когда) девять дней юноши в борьбе (и) атлетике по кварталам своим соревнуются» [KAV 218, II, 6–9].

⁹ Подтверждением невинности жертв является акт установления памятников этим существам в храме Эннину в эпоху Гудеа, о чем сказано: «Поскольку герои мертвы, / Уста их к “месту напоения водой” он обратил. / Имена их среди богов / Гудеа, энси Лагаша, / На свет вывел» [The building, <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.1.7, A XXVI 15–19>].

¹⁰ Вокруг этих «игрищ Инанны» было множество размышлений. Так, И.М. Дьяконов считал, что речь идёт о сексуальных оргиях конца года типа карнавала или масленицы, сопровождаемых шествием ряженных, евнухов и проституток: «В Уруке в XI в. игрища Иштар пытались запретить, что было воспринято как серьёзнейшее народное бедствие» [Дьяконов, 1990, 302]. Те же мысли мы обнаруживаем и в ряде работ В.К. Афанасьевой (например, [Афанасьева, 1998]). Однако это не более чем спекуляции, хотя бы потому, что в эпосе о битве Нинурты и Асага отражён не урукский культ Инанны, а лагашско-ниппурский культ Нинурты. Подозреваю, что такого рода спекуляции связаны с широким распространением идей М.М. Бахтина, который связал сюжет романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» с народными праздниками телесного низа.

¹¹ Вопрос датировки текста об Инанне и Энки подробно рассмотрен в [Емельянов, 2009, 254–259].

¹² *Su-tur*, буквально, «маленькая рука». Возможно, речь о безрукавке. Назначение одеяния *hur-saĝ* («лесистая гора») неизвестно.

References

1. Afanasjeva V.K. *Ermitazhnye chteniya pamyati B. B. Piotrovskogo* [The Hermitage Readings in Memory of Boris Piotrovsky]. St. Petersburg, 1998, pp. 5–8 (in Russian).
2. Bidmead J. *The Akitu Festival: Religious continuity and royal legitimation in Mesopotamia*. New Jersey: Gorgias Press, 2002, 235 p.
3. Clay A.T. *Epics, Hymns, Omens and Other Texts*. Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan, part 4. New Haven: Yale University Press, 1923, 112 p.
4. Cohen M.E. *The Cultic Calendars of the Ancient Near East*. Bethesda, MD: CDL Press, 1993, 504 p.
5. Cohen M.E. *Festivals and Calendars of the Ancient Near East*. Bethesda, CDL Press, 2015, 467 p.
6. Diakonoff I.M. *Ljudi goroda Ura* [People of the City of Ur]. Moscow, 1990, 435 p. (in Russian).
7. [ETCSL] *The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature*. Available at: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk> (accessed on November 16, 2022).
8. Emelianov V.V. *Nippurskij kalendarij i rannaya istoriya Zodiaka* [The Nippur Calendar and the Early History of Zodiac]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999, 268 p. (in Russian).
9. Emelianov V.V. *Shumerskij kalendarnyj ritual (kategorija ME i vesennie prazdniki)* [Calendar Ritual in Sumerian Religion and Culture. ME's and the Spring Festivals]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2009, 432 p. (in Russian).
10. Emelianov V.V. *Asiatica: trudy po filosofii i kul'turam Vostoka* [Asiatica: Works on the Philosophy and Cultures of the East]. 2015, no. 9, pp. 16–46 (in Russian).
11. Emelianov V.V. *Asiatica: trudy po filosofii i kul'turam Vostoka* [Asiatica: Works on the Philosophy and Cultures of the East]. 2018, no. 12/1, pp. 3–26 (in Russian).
12. Emelianov V.V. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya–XXIV. Materialy chtenij, posvyashchennyh pamyati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo* [Indo-European Linguistics and Classical Philology–XXIV. Procreations of readings dedicated to the memory of Professor Joseph Moiseevich Tronsky]. St. Petersburg: ILI RAN, 2020, vol. 2, pp. 1157–1166 (in Russian).
13. Hruška B. *Bulletin of Sumerian Agriculture*. 1990, no. 5/2, pp. 105–114 (in German).
14. [KAV] – Schroeder O. *Cuneiform texts from Assur of various contents* [Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts]. Leipzig, 1920, 124 p. (In German).
15. Landsberger B. *Journal of Near Eastern Studies*. 1949, vol. VIII, no. 3, 4, pp. 248–272, 273–297 (in German).
16. Pongratz-Leisten B. *Ina Šulmi irub. The Cult-Topographical and Ideological Program of the Akitu Processions in Babylonia and Assyria in the First Millennium BC* [Ina Šulmi irub. Die kulttopographische und ideologische Pro-grammatik der akitu-Prozessionen in Babylonien und Assyrien im I. Jahrtausend v. Chr.]. Mainz, 1994, 289 p. (In German).
17. Sallaberger W. *The cultic calendar of the 3rd period of Ur* [Der kultische Kalender der Ur III-Zeit]. Bd. I. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993, 314 p. (In German).
18. Ugnad A. *Archive for Oriental Research* [Archiv für Orientforschung]. 1944, no. 14, p. 252–284 (in German).

Submitted for publication: November 17, 2022.

Accepted for publication: January 23, 2023.

Published: June 29, 2023.